

Дорога, которой ты идешь

Новый спектакль Центрального детского театра

Пьеса В. Розова «В поисках радости» тенденциозна. Она масточно илюстрирует тенденцию, что автор, в общем не склонный к прямым, «в лоб», высказываниям своих героев о жизни, на этот раз позволяет им это. Весь второй акт (а в пьесе их всего два) фактически происходит в таких самонадеянных, на них следишь с радостью, хотя обычно бывает наоборот. Зритель предпочитает узнавать характер героя из самого хода действия. Почему же на этот раз так?

Думал о пьесе и о спектакле, приходил к выводу, что ограничиться какими-то одним ответом на вопрос просто невозможно. Соединение многих и многих обстоятельств продлило В. Розову необходимость подробных и откровенных разговоров его персонажей о жизни и о себе, разговоров, которые так нужны не только им самим, но и сидящим в зале.

Всем нам интересно, чем кончатся столкновения в доме Клидин Васькиных Савиных. Но интересно не в том смысле, что мы знаем, разойдется ли все сын Федор со своей женой Леночкой или нет. Полобит ли ее дочь Татьяна Гену Лапшику? Это не так уж важно — в тысячу раз важнее другое. Поймет ли Федор что жизнь, которую так жалел, и в то же время так умелюшко, исподволь навязывает ему Леночка, гибельна для него? И найдет ли он силы, чтобы обрести себя тем прежним, хорошим Федой, каким он становился, но не успел стать? И что Геннадий? Словомат его жонгла психологией отца, или парней, в котором чувствуются такая искренность, волья и ум, возмезд верхи дождливой злы и ум, возмезд верхи В. Розов показывает нам по-настоящему простую и по-настоящему сложную историю, но сложность эта не представляется надуманной, изворотливой. Круг вопросов, связанный со становлением характера молодого человека, требует от него не только всей серьезности, всей глубины охвата событий, но и диалектического изображения их. В пьесе, о которой идет речь (впрочем, как и всегда у Розова), события эти развиваются неторопливо, спокойно, ничем помечалу не предвещая будущих драматических столкновений.

Раннее утро. Юноша, средний сын в семье Савиных, возвращается со свидания, вызывая своим неурочным появлением иронические реплики младшего, который тоже не спит: вначале он читал, потом сочинил стихи. Стихи эти тут же произносятся вслух, приоткрывая мир восьмиклассника — чуть наивно, романтично настроенного, но умного и наблюдательного парня. Наблюдательность проявляется и в репликах. Жена старшего брата, Леночка, в ожидании собеседника отвлеченно извещает, что загрохотала обшугаю комнату юными певицами, и Олегу кажется, что это просто неприятный ее стрекот к «бузным буфетам». Младший нападает, средний отпалчивается, оба засыпают.

Так начинается утро, затем мы видим день, вечер, и эти неполные 24 часа оказываются так богаты страстями, мыслями, противоречивыми чувствами, что оставляют по себе неяснейший след в жизни действующих лиц. Больше других выносятся на происшествие, пожалуй, Геня Лапшик. Образ этого наивного драматурга и сыгран акторм А. Шмаковым с той морю художественной законченностью и идейной ясности,

которые позволяют говорить о типичности его. Рассмотрим же героя поближе.

Есть в спектакле такая сцена: отойди и угол комнаты, исподлобья, настороженно смотрит Геннадий на приближающегося отца. А тот подходит медленнее, неторопливо и, подойдя, замахивается на юношу. Однако удара не следует. Сам перекашивает руку отца и, заложив ее, не отпуская до тех пор, пока тот не просит пощечу. Рассказанный сам по себе, вне связи с внутренним ходом событий, эпизод этот может вызвать к герою скорее неприязнь, нежели любопытство. Однако зрительный зал реагирует на поступок Геннадия по меньшей мере сочувственно. Почему так происходит? Да потому, что в сопротивлении парня он видит не просто нежелание быть избитым (Генка и раньше пытался буйствовать против родительского произвола), а нечто гораздо более важное: полное освобождение от нравственного влияния отца.

Мы часто задаем себе в жизни вопрос: почему у хороших родителей дурные дети, у дурных — хорошие, и ищем ответы на них во внешних признаках семейного быта: в занятиях взрослых, в избытке материальных благ, которые они предоставляют своим чадам, и в тому подобных обстоятельствах. В Розов заставлял нас посмотреть на отношения в семье с иной точки зрения — более широкой. Вот те же Лапшины. Отец, который, не стесняясь сына, называет его мать «дурой» или жмет, дичинко объясняя выгоду своей жим, или прикрывает «простотой» и «народностью» яростно нападает на то, в чем видит ургов своему благополучию. И все это слышит Генка. Как преломляется в нем «муарность» отца? Иначе, чем можно представить себе, исходя из прямой аналогии. Гораздо более сложно, противоречно.

Генке не нравится отец, ему стыдно и противны его поступки. Но ведь у Лапшиных-старших хорошая должность, есть деньги, к тому же (и для парня это главный аргумент) есть люди, рассуждающие и поступающие так или почти так, как его отец. Значит, в чем-то он прав, думает Лапшик-младший и это что-то усваивает. Но усваивает с трудом, нехотя, против воли, — другие, хорошие примеры, рожденные жизнью, все время подтверждают ему неправоту отца. Лишь раз убеждается он в ней сейчас, становясь вначале свидетелем, а потом участником конфликта в доме Савиных.

Суть этого конфликта можно выразить в двух словах: это бунт против меччанства, которое тем опаснее, что может принимать разные обличья. Оно предстает перед нами то в образе молодельней и хорошеющей Леночки, не желавшей ничего особенного: только кинуть самым необходимым явещ то а ценный рассуждениях преуспевающего аспиранта Леонид Павловича. Он считает «непопулярным» хождение в народ, подражая под этим учительство где-нибудь в деревне или маленьком городе. Мы видим черты духовного оскудения и в поступках Федора Савина. Любя жему и услаиваясь себя тем, что он не делает ничего вестного, Федор по существу продает себя, свой талант. Заброшенная заветная работа статьи в журнале, брошюры, выступление — словом, покая на деньгами отнимает у него все время.

Шаг за шагом, всей суммой выразительных средств как художник, остротой и непримиримостью суждений как гражданин борется В. Розов против сил, реальному ослеплению которых видит и потому изображает во всей полноте. Однако делает он это не просто так, во имя одной объективности, но с точным расчетом. Чем яростней столкновения, тем объясняется лица противников. И если для хороших, честных, стоящих за советских людей такая душевная «отарность» не страшна (она скорее служит украшением их), то другим приходится несладко. С радостью — тем больше, что подтверждается его сокровенные мысли и желания, — следит Генка за словами и действиями Олега, Клидин Васькиных, Николая, Тани, за сыном-ником Федора. И наконец сам решается высказаться до конца.

Очень убедительно для нас, зрителей, это возмужание героя. Оно следствие не только его разумный, но — что тоже очень важно — инстинктивный, инстинкт непосредственных инстинктов ощущений. Люди, которые попросту являют Генке и уважение которых ему хочется заслужить, — против его отца и естественно, что протит милое такого обстоятельства Лапшик-младший не может.

Мы подробно останавливались лишь на одном образе пьесы. Для нас и, как нам кажется, для драматурга он центральный. Именно в развитии образа Генки, происходящем на наших глазах, всег непосредственное отражение те самые инстинктивные проблемы, которыми посвящена пьеса В. Розова. Однако связанное возм не значит, что лишь один герой живет, запоминается и живет нам в пьесе. В буквальном что ни действующее лицо, то характер, то мысля и чувства, которые этот характер несет с собой и которые вызывают ответную реакцию. Она почти всегда такая, какой добивается автор. Почти, потому что некоторые эсцены кажутся нам излишними и, главное, не очень свойственными манере В. Розова как писателя.

Ему, например, несвойственна наблюдательность. И хотя в произведении его всегда содержится большой этический урок, он не преподносится в готовом виде, а извлекается непосредственно из характеров и событий, перенесенных на сцену. Здесь же у В. Розова есть чисто служебные персонажи (такие, например, как Тасия Николаевна, мать Марини, возлюбленной среднего Савина, восьмиклассники Вера и Фира), все смысл появления которых в подтверждении того или иного тезиса. А ведь идея и этот наивный успех овладеть умом ребенка и потому он кажется даже чуть изощренным. Однако это частные замечания, ибо они никак не определяют значения пьесы и спектакля в целом.

Об этом спектакле хочется сказать «мехотонный» — настолько полно выражено в нем то, что мы считаем художественными принципами данного театра. Речь идет, естественно, не о воспроизведении бытовых подробностей достоверной обстановки (хотя и это достигнуто в спектакле) — речь идет о том, во имя чего и за права жизни выдана на сцену. И тут мы ясно видим задачу, которую ставил перед собой молодой режиссер Анатолий Эфрос. Вместе с В. Розовым он утверждает высокую чистоту советского человека, его нравственную силу. Цена этой силы не становится меньше оттого, что иногда она достигается в борьбе с собой, с чуждыми влияниями, которые могут исказить и поглотить душу.

А Эфросу было в пьесе В. Розова диалектическое понимание жизни, изображение ее как процесса, в котором все взаимосвязано, обусловлено. Оттого в спектакле нет пустых, незначительных мест. Каждая реплика несет в себе гораздо больше содержания, чем это кажется по первому впечатлению. При таком решении пьесы вымостил постановки до нас прежде всего через мастерство исполнителей. Старое выражение Исидорича-Даченко о режиссере, «уходящем в антрес», исполняется тут. Но меньше всего это значит, что работа А. Эфроса аморфна. Просто форма спектакля — точная, умная — дышит бростью. Она скромна и в то же время ошущима. Стоит только вспомнить «приходы» героев по комнате, загроможденной Леночкиной духоспальной кроваткой, шкафами, сервантами. Сразу чувствуется, как неудобно, какорашало жить в квартире, прежде такой простой и веселой. А потом от обычной бытовой подробности наша мысль идет глубже: как неудобно жить там, где появляется стеснительность и мощь.

Так и в игре авторов правдоподобие поведения, интонации подчинены раскрытию большой правды. Именно поэтому так естественны для героев и так жадно слушаются зрителями откровенные разговоры действующих лиц о себе, их рассуждения о жизни. Как глубоко молотило В. Сперанского, безупречно играющей, какое смирение чувства в Федоре (Г. Пенчиков), тоже размышляющем вслух, какая сила в поэтической натуре Олега (К. Устюгов), раскрывающейся так непосредственно.

Специаль Центрального детского театра заставляет думать о жизни, о многом трудном и сложном в ней. Но в то же время он глубоко оптимистичен, ибо раскрывает правду нашей жизни. В этом его цель, и этом его победа.

Н. ЛОРДИПАНИДЗЕ.